

С чистого листа

Сколько раз Вам, уважаемый читатель, приходилось начинать свою жизнь с чистого листа, с первого числа, с понедельника?

Только однажды, в самом начале? А дальше все пошло без перерывов?

Ну, так Вам неслыханно повезло. Потому что нет ничего хуже, чем начинать новую жизнь, зная, что она не задалась и все пойдет по-старому. Что бодрый посыл начать все сначала угаснет, как дымящаяся головешка.

Подобным размышлениям предавался Евлампий Модестович Сорокопутов - не крупная величина в мире отечественной прозы, стоя в своей квартире у окна и рассеянно изучая пейзаж, поливаемый осенним дождем. Он обернулся. Неприбранная, захламленная комната глаз тоже не радовала. Выходить на улицу ему не хотелось, а надо было. Аванс, выданный под новую повесть, заканчивался. Необходимо было искать деньги. Евлампий привык жить, не стесняя себя, и денег ему с супругой требовалось немало.

- Клава! - взревел он, почесывая лысину. - Ты в почтовый ящик заглядывала?

- Да нет там ничего, - послышался из коридора женский голос. - Одна реклама.

Евлампий с шумом выдохнул воздух. У него, конечно, был виртуальный почтовый ящик в интернете. Но отказать себе в удовольствии распечатать бумажный конверт с марками он не мог. На этот раз удовольствие его миновало: ящик с номером квартиры сочинителя был пуст.

Впереди был длинный, унылый день.

«Ни дня без строчки», - вспомнил Сорокопутов известное латинское изречение. Еще вчера он принял решение каждый день пополнять свою творческую копилку. Вспомнив об этом, встряхнулся, наскоро проглотил чашку остывшего кофе и сел за письменный стол. Его глаза, обычно тусклые, засверкали вдохновением.

- Тише! - крикнул он в направлении соседней комнаты. - Я работаю!

За стеной что-то с шумом посыпалось. Евлампий выругался и хватил кулаком по стене, покрытой ковром. Из ковра вылетело облачко пыли.

- Тебе сказано не шуметь! Как мне сосредоточиться, когда в квартире такой тарарам? - выкрикнул он.

- Да не ори! Писатель! Лев Толстой! - послышалось из-за двери.

В комнату вплыла Клава - бессменная муза литератора в течение последних десяти лет. Ее лицо было помято, заношенный цветастый халат обтягивал располневшую фигуру. Она встала посреди комнаты, упершись руками в бока.

- Ну что, - начала женщина, - очередную нетленку стряпаешь? Сколько раз начинал - и ничего не выходило! И денег нет. А знаешь почему? Знаешь?

- Почему? - осторожно спросил несостоявшийся гений.

- Потому, что ты бездарен как тупой валенок! Объявление на заборе написать - все, что ты можешь, да и то с ошибками. Вон Дормидонта Спасоглинищенского переиздают третий раз. С цветными иллюстрациями. А

ты дураком родился - дураком и помрешь. Графоман несчастный! Дура я, что связалась с тобой. Говорила же мама...

Упоминание о теще окончательно вывело Евлампия из себя.

- Ах, мама?! Для тебя мама главное мужа?! Ну и катись к своей мамаше, чтоб я тебя больше не видел!

Теперь взвилась Клавдия: «Как ты смеешь оскорблять мою мамочку, пентюх несчастный!». Здесь она судорожно глотнула воздух и остановилась, вовремя сообразив, что кроме этого пентюха и его ободранной квартиры, она больше ничем в жизни не располагает.

Воспользовавшись заминкой супруги, Евлампий схватил шапку и был таков.

Внутри у него все клокотало. Вот и начал жизнь с чистого листа. Здравсте, приехали!

Выскочил из подъезда и понесся по бульвару. Скверно, конечно. Клавдия - скандалистка, неряха, перестарок, но она права. Он муж, кормилец семьи, а в карманах у него - пусто. Она же с ним живет, не бросает его. И хозяйство ведет худо-бедно. А что ругается, так это от нервов. Сейчас все нервные, жизнь такая. Он не виноват.

Евлампию стало жаль себя. Но возвращаться мириться было рано.

«Пусть помучается», - он ядовито ухмыльнулся.

- Пода-а-айте копеечку на пропитание, - затянул где-то под ногами гнусавый голос. Евлампий с ходу остановился. Оказалось, что он в запале ссоры пролетел без остановки три квартала и оказался на территории близлежащего храма. «Вот, Бог привел, - подумал он. - Только зачем? Сейчас увидит, что ошибся, и прогонит».

От этой мысли стало холодно.

«Боже, я грешник. Но мы все такие, есть еще хуже», - он не заметил, что говорит вслух. «Бездарный писатель, плохой муж, никудышний хозяин. Но я ведь живу для чего-то! Ты же меня держишь на земле - зачем? Зачем?»

Он разволновался до слез. Прежде ему такие мысли в голову не приходили. Может, это сезонное? Да нет, это же не первая осень в его жизни. Прежде все было нормально.

«А может, нормально - это то, что сейчас? Может, это Он неспроста меня остановил - как раз на пороге храма?» - прошло сквозь него ледяной иглой. «Вот, пообещаю исправиться - и не сдержу слова. Сколько раз обещал! Не буду, а то опять ничего не выйдет. Боже, вот я как есть. Делай что хочешь, только не уходи».

Он не заметил, как вошел в храм и остановился у потемневшего от времени Распятая. Не хватило сил поднять голову и посмотреть в лик Спасителя. Евлампий молча припал к Его ступням и долго стоял неподвижно.

- Что горюешь? Ай помер кто? - к нему сбоку подсунулась замотанная в рваный платок старушонка.

- Ничего, никто не умер. Я еще жив, - пробормотал он, вставая. - На, держи.

Сунул старушке слипшийся ком бумажных денег, откуда-то взявшийся в кармане (утром его не было) и, не слушая благодарностей, поспешил к выходу.

На улице по-прежнему шел дождь. Евлампий шел по бульвару домой, пустой и легкий, как в двадцать лет.

Марина Васильева
Декабрь 2016